

Женщина с маленькими ножками, прикрыв рот рукой, рассмеялась:

— Разве это можно назвать плачем? Он просто орет своим хриплым голосом, пытаясь вылить на тебя грязь. Не обращай на него внимания.

Сказав это, она взяла маленькую скамеечку и села рядом со связкой бумажных денег.

— Вам, образованным людям, такое дело не по плечу. Отдохните в сторонке. Старик просто не в духе, вот и ищет повод для ссоры. Скоро наши сестры закончат дела и присоединятся. Мы сами всё сделаем.

— Это те самые Чунь, Ся, Цю и Дун? — спросил Е Тао.

Женщина с маленькими ножками улыбнулась:

— Ты, друг Сяо Шэня, и вправду видный. Уже знаешь имена наших сестёр.

Как будто в подтверждение её слов, у входа во двор появились три женщины, абсолютно одинаковые внешне, одетые в синее, жёлтое и белое.

Одна за другой они взяли скамеечки и сели рядом со связкой бумажных денег, ловко складывая листы в форме золотых слитков. Их движения были настолько синхронны, словно они были заранее запрограммированными ИИ.

Женщина в красном продолжила:

— Вы, наверное, друзья Сяо Шэня. Возможно, он не рассказывал вам о нашей семье. Наша семья Ван — самая большая в этом городке. У дедушки было три сына. Сяо Шэнь — приёмный ребёнок из старшей ветви. Мы, четыре сестры, из второй ветви. А ещё есть брат и сестра из третьей.

Шэнь Тинбэй нахмурился. Его сюжетная линия в этом городке была слишком детализированной.

Женщина в красном продолжила:

— Мы, четыре сестры, — Ван Чунь, Ван Ся, Ван Цю и Ван Дун. Сяо Шэнь за все эти годы так и не научился нас различать. Запомните цвет наших серёжек: у меня красные, у Ся — зелёные, у Цю — жёлтые, у Дун — белые.

Все смотрели на четырёх абсолютно одинаковых близняшек, кивая в замешательстве.

Хотя Чунь-цзе и сказала, что им не нужно помогать, многие, следуя примеру Хань Юаньхэ, взяли скамеечки и сели рядом с сёстрами, начав учиться складывать слитки.

В голове Шэнь Тинбэя всё ещё звучали слова Ван Ся, и он спросил Ван Чунь:

— После пятидневного пиршества все смогут уйти?

Чунь-цзе улыбнулась загадочно:

— Те, кто сможет, уйдут.

— А те, кто не сможет?

— Конечно, умрут здесь, — вдруг раздался пронзительный голос Ван Ся, от которого у Шэнь Тинбэя заложило уши.

Шэнь Тинбэй нахмурился, инстинктивно желая обсудить это с Е Тао, но обнаружил, что тот стоит у входа во двор, смотря куда-то вдаль.

— На что ты смотришь? — спросил Шэнь Тинбэй, подойдя к нему.

Е Тао отвел взгляд:

— Ничего.

Шэнь Тинбэй сердито посмотрел на него:

— В прошлый раз, когда ты сказал, что на карточке Лю Ляна ничего нет, у тебя было такое же выражение лица!

Е Тао промолчал.

Шэнь Тинбэй хлопнул его по плечу:

— Говори уже!

— ...

— Ну же!

— Я только что видел тебя за пределами двора.

— Что? Кого? — Шэнь Тинбэй замер на месте.

Е Тао кивнул и с сожалением сказал:

— Поэтому я и подумал, что, возможно, ошибся.

Шэнь Тинбэй смотрел на пустой двор, долго не говоря ни слова.

— Возможно, я действительно ошибся, — сказал Е Тао.

Но Шэнь Тинбэй знал, что Е Тао, человек, который всегда говорит прямо, вряд ли мог ошибиться.

Е Тао не дал Шэнь Тинбэю больше размышлять, потянув его обратно в центр двора, где они начали помогать сёстрам складывать плитки.

Гао Цянь, будучи старше, стал более сдержанным. Разговаривая с сёстрами, он узнал много интересного.

Этот городок назывался Шуйсян, и самой большой семьёй здесь была семья Ван. Недавно скончавшийся старик Ван был уже прадедом, умершим в возрасте девяноста лет, что считалось полной жизнью.

Самое главное, старик умер своей смертью, не испытав перед этим никаких страданий, поэтому это считалось радостным событием. В Шуйсяне такие события отмечали

приглашением театральных групп, игравших на барабанах и гонгах.

Пятидневное пиршество было организовано, чтобы пригласить всех жителей городка повеселиться и показать, что младшее поколение семьи Ван — примерные дети, уважающие старших.

Поэтому по всему дому были развешаны красные шёлковые ленты, и похороны были устроены как праздник.

Ван Ся, говоря это, бросила взгляд на Шэнь Тинбэя и усмехнулась:

— Конечно, младшее поколение семьи Ван не включает тех, кто носит фамилию Шэнь.

Очевидно, что в отличие от доброжелательности Ван Чунь, Ван Ся относилась к Шэнь Тинбэю с явной неприязнью.

Шэнь Тинбэй молча слушал.

Он всё ещё был в замешательстве от того, что в этом городке у него была такая полная сюжетная линия.

Ван Цю, сидевшая рядом с Ван Ся, не выдержала и толкнула её локтем:

— Хватит тебе. Сяо Шэнь нечасто возвращается.

— Хм, — фыркнула Ван Ся, встала и ушла.

Ван Чунь улыбнулась, приглашая всех продолжать работу, и утешила Шэнь Тинбэя:

— Не обращай внимания на Ся. У неё такой характер. Она до сих пор злится, что не смогла продолжить учёбу, так что потерпи.

— Ладно, — ответил Шэнь Тинбэй, взглянув на двор и продолжая складывать слитки.

Они провели во дворе почти два часа, когда Ван Ся вернулась с тремя большими коробками с едой.

Она бросила взгляд на Шэнь Тинбэя:

— Только смотришь? Не сможешь накрыть на стол?

Шэнь Тинбэй промолчал.

NPC в этом городке были слишком реалистичными.

Шэнь Тинбэй встал, чтобы помочь, но Е Тао усадил его обратно на стул.

— Я сам, — сказал Е Тао.

Ван Ся посмотрела на Е Тао, открыла рот, но в итоге ничего не сказала, развернулась и позволила ему накрыть на стол.

Хань Юаньхэ, наблюдая за взаимодействием Е Тао с жителями городка, с недоумением спросил Ло И:

— Эти люди в городке действительно NPC? Можно ли их так просто обижать?

Ло И задумалась, похлопала Хань Юаньхэ по плечу:

— Обычным людям лучше не ссориться с ними, но для Е Тао это не проблема.

— Потому что он хорошо дерется?

Хань Юаньхэ уже видел, как Е Тао дважды кого-то пнул.

Ло И серьёзно кивнула:

— И дерется хорошо, и ум у него в порядке.

Хань Юаньхэ с восхищением посмотрел на Е Тао, который вышел позвать всех к столу.

Е Тао, почувствовав взгляд Хань Юаньхэ, на мгновение задержал взгляд на его часах Rolex, а затем пригласил всех зайти поесть.

Шэнь Тинбэй первым бросил бумажные деньги, помыл руки и быстро вошёл в дом.

После двух сухих булок из городка он соскучился по китайской еде!

Ван Ся накладывала еду, увидев, как Шэнь Тинбэй торопится, недовольно сказала:

— Тебе ведь хватит, не надо выглядеть как голодный дух!

Шэнь Тинбэй промолчал.

Видно, что её раздражение на него действительно велико.

Е Тао, только что вошедший, услышал саркастичные слова Ван Ся, холодно посмотрел на неё, и она, фыркнув, вышла.

Хань Юаньхэ, увидев это, снова подошёл к Ло И:

— В нашей команде Сяо Бэй — это мама, а Е Тао — папа?

Ло И, пившая воду, закашлялась, услышав это.

Хань Юаньхэ, недоумевая, хотел спросить ещё, но получил ледяной взгляд от Е Тао.

Он промолчал. Понял. Ответ, возможно, правильный, но говорить об этом вслух не стоит, иначе можно лишиться головы.

После обеда все продолжили складывать плитки с четырьмя сёстрами.

Из соседнего двора доносились смех и разговоры, сопровождаемые звуками сунай, от которых мурашки бежали по коже.

Несмотря на традицию радостных похорон, такое праздничное настроение на похоронах вызывало неприятные ощущения.

После ужина Ван Чунь сказала:

— Сегодня вы хорошо поработали. Идите в восточный флигель, помойтесь и отдохните. Малыш, тебе нужно прийти в главный зал в десять вечера, чтобы вместе с нами стоять у гроба.

Шэнь Тинбэй замер:

— Только я один?

Ван Дун, убирая со стола, усмехнулась:

— У гроба могут стоять только члены семьи.

Е Тао спросил:

— Я могу пойти посмотреть?

Едва он закончил говорить, как все четыре сестры серьёзно посмотрели на него и хором сказали:

— Нет, посторонним вход в главный зал запрещён!

Четыре одинаковых лица, даже морщины на лбу были синхронны.

Е Тао посмотрел на них, кивнул и больше ничего не сказал.

(Первая часть)

<http://bllate.org/book/16305/1470759>